Стальное крыло ангела

Автор:
Сергей Зверев

Стальное крыло ангела

Сергей Иванович Зверев

Крымский мост

Близится открытие автомобильного движения по Крымскому мосту. Однако радость предстоящего события омрачает известие о готовящемся теракте, который должен произойти во время торжественной церемонии. Российские спецслужбы доверяют источнику информации, но пока ничего не известно об исполнителях диверсии и о способе ее осуществления. Выявить и обезвредить террористов поручено группе спецназа ФСБ майора Алексея Томилина. Он начинает проверку лиц, причастных к праздничному мероприятию, но очень скоро понимает, что ни представители СМИ, ни чиновники, ни строители к готовящейся акции отношения не имеют. Страшная догадка поражает майора всего за несколько часов до начала торжеств…

Сергей Зверев

Крымский мост. Стальное крыло ангела

© Зверев С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава первая

Это был выходной день. Даже для майора Центра специального назначения ФСБ России Алексея Томилина, чей отдел отвечал за безопасность строящегося Крымского моста, этот день считался условно выходным.

…Я открыл глаза, пошевелил руками, чтобы повернуться на бок. Маслянистая, очень вязкая жижа выталкивала на поверхность. Я лежал на ней, как на разделочном столе. Утонуть в такой субстанции невозможно – даже если сильно постараться. Озеро Корчак считалось самым минерализованным в Крыму – 28 процентов. Под зеркалом озера, достигающего в глубину аж полутора метров, скрывался кратер грязевого вулкана. Иногда эта жижа бурлила – пополнялись запасы целебной грязи. По горло в грязи было приятно, и я прекрасно понимал радость поросят, сидящих в деревенских лужах. Биологические часы в глубине черепной коробки показывали примерно полдень. Над головой простиралось безоблачное небо. Вторая половина мая, курортный сезон в Крыму еще не начался, но объяснить это людям было невозможно. Последний месяц весны выдался мягким и теплым. Из озера торчали головы отдыхающих – все покрытые грязью, с белыми кругами вокруг глаз. Кто-то лежал на спине. Кто-то плавал (хотя процесс перемещения в этом киселе выглядел крайне смешно), кто-то просто сидел в грязи и общался со знакомыми и родственниками. Над гладью озера стоял монотонный гул.

Я сделал пару плавных движений, отплыл и уперся головой в глинистый косогор, на котором лежала моя сумка и аккуратно сложенная одежда. Хотелось курить, но я терпел – обществу, в котором было много детей, это могло не понравиться. Теперь я фактически полусидел, раскинув руки, сканировал видимую часть «спектра». Со стороны могло показаться, что мужчина отдыхает. На самом деле мужчина работал.

Я находился в двух шагах от узкой пересыпи, отделяющей целебное озеро от Азовского моря. Озеро Корчак находилось на севере Керченского полуострова, в двенадцати верстах от центра Керчи и шестнадцати – от порта «Крым» и Керченской переправы. Диаметр водоема составлял не больше ста метров – эдакая вулканическая лужа в трех метрах от моря. На дальнем берегу находились мостки с перилами, к воде спускались ступени, там же стояли столики, беседки, раздевалки, душевые кабины – южная часть «курорта» была отчасти цивилизованна. С обратной стороны все выглядело дико, рельефно и скользко, но многие купались и здесь. Ближе к морю было меньше людей и больше свободного пространства.

Я скользил равнодушным взглядом по прибывающей публике. Смеясь и чирикая, из озера выбралась стайка девчат в экономных бикини, двинулась к морю тесно сбитой кучкой. Обмазанные грязью, они казались обнаженными. Тела блестели, призывно покачивались бедра. Наличие одежды выдавали лишь завязки стрингов и лямки бюстгальтеров. Девчонки, звонко смеясь, пропадали за косогором.

Объект не появлялся. Я проводил неторопливый «мониторинг». Справа находилась галечная гряда, намытая волнами, слева, в стороне, домики пансионата – их участки выходили к морю. За пансионатом – зеленый мыс Рюк, там располагалось местное кладбище, автобусная остановка и братская могила морских десантников с обелиском. Основание мыса огибала дорога на восток – на Восково и Керчь. К восточному берегу соленого озера примыкал крохотный пресноводный пруд и стыдливо прикрытые сеткой руины – развалины грязелечебницы, построенной в XIX веке. За развалинами просматривалась автомобильная парковка.

Отъехал микроавтобус, запылил на выезд. На парковку въехал серебристый «кореец», приткнулся на свободный пятачок. Я насторожился. Водительское место покинула молодая женщина. Она забралась на заднее сиденье, отстегнула от детского кресла трехлетнего малыша, поставила на ноги и стала проводить строгий инструктаж – как вести себя в опасном месте. Автомама, блин… В стороне смеялась над мужем пожилая дама: мол, свинья везде грязь найдет. «Девушка, не потрете спинку?» – хихикал какой-то юморист. «Перебьешься, я тебе супруга, а не прислуга», – бормотала блондинка в телесах, расплываясь по соляной жиже.

Я устроился удобнее, зачерпнул грязь, задумчиво смотрел, как она стекает с пальцев. В древности на Керченском полуострове случались тектонические движения, разрывалась земная кора. Появлялись грязевые вулканы. Смешивались глинистые массы, газы, рапа – соленая вода с переизбытком мертвых рачков. Все это обогащалось йодом, метаном, серой, железом, еще половиной периодической таблицы, включая минеральные и органические вещества. В итоге получалось нечто, напоминающее матово блестящий маслянистый крем. То, что штука полезная, выяснили еще в древности. Здесь лечился властелин Боспора Митридат. На грязи приезжали после ранений бойцы Александра Македонского и крымских ханов. Здесь купали рабынь – в качестве предпродажной подготовки, – чтобы лучше выглядели на аукционах. Жидкий кисель, сочащийся между пальцами, продавался по баснословной цене – только

за золото. Бизнес на грязи был доходной статьей местных царств. Список болезней, излечиваемых грязью, тоже впечатлял: суставы, нервы, экземы, проблемы с кровью, кожные и сердечные заболевания. Грязь разглаживала морщины, убивала целлюлит, поднимала тонус…

Лично мой тонус уже болтался где-то в верхних слоях атмосферы. Дополнительные полчаса в этой луже – и нервный срыв обеспечен. В кармашке сумки включился телефон. Пришлось выползать, извиваясь ужом. Я вытер руки вафельным полотенцем, осторожно извлек телефон. Канал был защищен – пробить препоны, расставленные в эфире, не смог бы даже гениальный хакер.

– Приветствую, майор, – ровным голосом известил начальник оперативного штаба полковник Мостовой Игорь Борисович. Штаб располагался на Таманском полуострове, вблизи порта Тамань и станицы Таманской, одноименной железнодорожной станции и в двадцати верстах от станицы Тамань, находящейся на берегу Таманского залива. Слово «Тамань», вырванное из контекста, не несло в себе никакой информации. Поселок, где размещался штаб, назывался, к счастью, Волна.

– Здравствуйте, Клара Соломоновна, – я покосился на парочку средних лет, которая тоже выползла из озера и расположилась по соседству.

– Ты словно в тылу врага, – неодобрительно проворчал полковник, – я что-то пропустил, и Крым уже вернули Украине?

– О, это невозможно, Клара Соломоновна. Что, как говорится, с воза упало…

– Ладно, шутки в сторону. Ты сегодня, как я понимаю, частично не на службе…

Я чуть не рассмеялся. Часть меня действительно находилась в другом месте.

– Да, с утра был выходной, Клара Соломоновна…

– А сейчас?

– После вашего звонка – не знаю… – я сместился в сторону, не выпуская из вида вещи и ближнее окружение.

– Ладно, расслабься, все в порядке, – успокоил начальник. – Чем занимаешься?

– Грязелечением…

– А что, хорошее дело, – рассудил Игорь Борисович. – Я слышал, от бесплодия помогает.

– Я учту, Клара Соломоновна.

– Агент не появлялся? Судя по твоему скучному голосу, ты прозябаешь в одиночестве.

– Пока жду. Как долго это продлится, не знаю.

– О прикрытии не подумал?

– Незачем. Принять грязевую ванну я смогу и сам, Клара Соломоновна. Вы пока отдыхайте, по дому займитесь. Как решу дела, приеду, и мы поговорим.

– Ладно, не буду отвлекать. Да, забыл тебе сказать, – спохватился Игорь Борисович, – грязи, помимо бесплодия, благотворно влияют на хронический простатит и нарушение потенции.

Полковник, злорадно хихикая, отключился. Люблю, когда у начальства хорошее настроение.

Вещи остались на косогоре, я с телефоном перешел тропку и спустился к морю. Пристроил гаджет на камне, осмотрелся. Пляж был галечный, кое-где чернели камни, пробивались чахлые кусты. Азовское море сегодня умеренно штормило. Вода была мутная, серая, не такая, как на Черном море. Волны штурмовали берег, вылизывали гальку. Вода еще толком не согрелась – 18–19 градусов. Но народ уже купался. Молодые люди бросались на волну, гоготали, когда она вышвыривала их обратно. Тут же бежали назад, ждали «губительного» девятого вала. Метрах в двадцати от берега, где волны сглаживались, плавала стайка девчат. Честно говоря, под слоем целебной грязи их мордашки смотрелись симпатичнее. «Я не утопленник, я дайвер!» – смеялся в меру поддатый мужчина, шумно уходил под воду и выныривал.

Выделяться среди толпы «бойцовским» вхождением в воду и заплывом до Бердянска как-то не хотелось. Я быстро окунулся, смывая грязь, проплыл по малому радиусу. Вода бодрила. Дрожа от холода, я вылез на берег, обсыхал под палящим солнцем. Потом забрал телефон и вернулся к вещам. На озере ничего не менялось. Плакал ребенок, наглотавшийся соленой грязи. Бесцельное времяпровождение начинало раздражать. Мое место в «болоте» под горкой камней оставалось свободным. Я снова занял его, предварительно пристроив телефон под голову.

– Добрый день, Алексей Михайлович.

Источник звука находился в метре от меня. Там возлежал еще один отдыхающий – мужчина средних лет с абсолютно непримечательной внешностью. Он прижался к каменной горке, над гладью озера торчали голова и плечи, полностью покрытые грязью. На носу сидели крупные солнцезащитные очки. Он походил на человека-невидимку – казалось, снимет очки, а под ними – черная пустота…

Пароль, похоже, не требовался, я узнал его.

– Здравствуйте, Петр Анатольевич. – Я отвернулся от него, уставился вдаль. – Вы опаздываете, надеюсь, причина уважительная.

Мы делали вид, что незнакомы. Он так просил, потому что боялся. Петр Анатольевич Ломарь, 38 лет, работник Главного управления разведки МО Украины, являлся штатным сотрудником отдела, занимающегося «временно оккупированными территориями». Его завербовали в прошлом году – в чем немалую роль сыграла его собственная жена, позволившая себе по молодости несколько лет «легкого поведения» в Новороссийске. Тройным агентом этот парень точно не был – наша внешняя разведка выясняла. Ему хватало работы в двух враждебно настроенных друг к другу структурах. Российская разведка приплачивала, обещала «через пару лет» взять под крыло, защитить семью, выдать новую биографию и поселить подальше от тех мест, где его могли бы прикончить.

– Я не опаздываю, – проворчал Ломарь, – я давно здесь. Даже вы меня не засекли, верно? Возникло чувство, что за мной наблюдают. Возможно, издержки профессии, просто страх, не знаю… Я следил за вами последние тридцать минут.

Ведь нас обоих могут пасти. Вы ничего не заметили?

– Нет, Петр Анатольевич… – Я автоматически напрягся. Нет, я ничего не чувствовал. Но меня могли и не вести. А господину Ломарю не позавидуешь, если выяснится, чем он занимается в свободное от основной работы время. То, что Крым российский, не означало безопасного нахождения на этой территории. Ломаря спецслужбы контролировали, но не охраняли. А проникнуть в Крым может любой, это не закрытая зона, подобно Севастополю советских времен.

– Ладно, это мои проблемы, – вздохнул агент, – сам влез в эту историю – самому и выпутываться. Вы сегодня в одиночестве?

– Это не имеет значения, Петр Анатольевич. Вы просили о встрече – встреча состоялась. Место вполне подходящее… – Я покосился на плывущую в нашу сторону худощавую пенсионерку, она пыталась грести, но вода выталкивала изъеденные артритом ноги, она клевала носом, отфыркивалась. – Как вы оказались в Крыму, Петр Анатольевич?

– Это неважно… – Он смутился. – По крайней мере, для вас это неважно. На полуострове создается подпольная сеть на долгое залегание, но она не имеет отношения к вашей сфере деятельности. Товарищи с Лубянки уже в курсе, мои коллеги под наблюдением…

– Хорошо, Петр Анатольевич, давайте говорить о том, что имеет отношение к сфере моей деятельности.

– В день открытия автомобильного моста через Керченский пролив СБУ планирует провести крупную диверсию…

– Где именно? – насторожился я. На следующую пятницу назначено долгожданное открытие Крымского моста. Работы завершались. Движение открывалось в два этапа: первый – через четыре дня, для легковых автомобилей и общественного транспорта; второй – ближе к осени, для грузового транспорта. Майское событие разрекламировали – надо, чтобы хоть что-то поехало по мосту! Ожидалось торжественное мероприятие, присутствие высшего лица. Сначала хотели запустить движение к 9 Мая, но потом решили не приурочивать событие ко Дню Победы.

– На мосту, Алексей Михайлович. Во всяком случае, такие у меня сведения.

– Чушь, – фыркнул я. Звучало действительно невероятно. Меры безопасности в акватории объекта – беспрецедентные. Мне ли это не знать? А в свете вероятного прибытия Первого лица – беспрецедентные в квадрате. В Тамани, в Керчи или где-то еще – зависит от умения диверсионных групп и «неумения» противостоящих им спецслужб. Сомнительно, но возможно. Но на мосту – где под прицелом каждый рабочий из «Стройгазмонтажа», каждый водитель, даже каждый охранник, где прощупывается чуть не сканером каждое проходящее под аркой судно…

– Вы ничего не путаете, Петр Анатольевич?

– Вы еще скажите, что я выдаю желаемое за действительное, – усмехнулся агент, – информация достоверная, СБУ готовит диверсию в день и даже в час пуска. Информация засекреченная, но известен сам факт – он просочился. Я не знаю ни деталей, ни подробностей. Этим занимается СБУ, а не Главное управление разведки – отсюда моя некомпетентность. Сам не понимаю, как они собираются это провернуть, но решил поставить вас в известность. В деле отчетливо прослеживается иностранное влияние. Это даже не НАТО, структуры, как бы не имеющие отношения к блоку – так часто делают, чтобы в случае провала не дать запятнать основную контору. Но все прекрасно понимают, чьи уши торчат из этого дерьма…

– Это предположение, Петр Анатольевич?

– Да, в некоторой степени это предположение, – признал Ломарь, – с очень высокой степенью вероятности. СБУ что-то готовит – и засекретило это дело наглухо. Решатся ли осуществить на практике свою «заготовку» – этого не знаю. Если не теракт с массовыми смертями, то все равно диверсия, способная сорвать пуск моста, опустить ниже плинтуса имидж России, а если на пуске будет ваш президент, то еще и его жизнь поставить под угрозу. А это, признайтесь, бомба. Скажите, как часто за последние восемнадцать лет на высшее должностное лицо осуществлялись покушения? Мягко говоря, не часто. Если не сказать большего. Даже если что-то замышлялось, ваши спецслужбы быстро все вскрывали и устраняли…

«То есть это не может быть внешнее вооруженное вмешательство, – подумал я, – в случае последнего чем это может угрожать имиджу России?»

– У вас есть доказательства готовящейся диверсии, Петр Анатольевич?

– Нет…

– Но вы уверены, что она должна произойти? В противном случае не стали бы рисковать жизнью, ища со мной встречи?

– Да…

Я задумался. Провокация? Коллеги вычислили Петра Анатольевича и в качестве искупления грехов отправили дезинформировать россиян? Мол, пусть побегают, поищут то, чего нет. Но это глупо – внешне ничего не изменится, пуск состоится, разве что меры безопасности усилят в десять раз. Какая в этом выгода нашим «коллегам» из киевских ведомств? А Ломарь, как ни крути, человек серьезный, безосновательные слухи, как сорока, распускать не будет.

– Спасибо, Петр Анатольевич. Давайте обобщим. Вы нас предупреждаете, что в день пуска автомобильного моста на мосту может произойти диверсия, которая отсрочит запуск объекта, и России при этом будет нанесен существенный имиджевый удар? При этом никакой информации о готовящейся акции вы предоставить не можете.

– Да, все верно, – согласился Ломарь, – разумеется, если появится информация, я передам ее… по официальным каналам.

– Что мешало по этим каналам передать то, что вы сказали сегодня?

Боковое зрение не самое совершенное, но он точно поежился. Этот человек мне все больше напоминал загнанного в угол зверька. Что, интересно, происходило? Может, зря я сюда приехал один?

– Поймите правильно, Алексей Михайлович, – откашлявшись, начал он, – я знаю вас. Но я знаю далеко не всех людей, через которых пойдет моя информация…

«Паранойя? – мелькнула мысль. – Но внешне вроде дружит с головой…»

– Прошу простить, я должен вас покинуть, – тихо сказал Ломарь и начал выбираться из целебного источника, – я буду осторожен, не волнуйтесь, чего и вам желаю…

Я мрачно наблюдал за ним. Он не оглядывался. Выбравшись из озера, он подхватил сумку, поверх которой висело полотенце, сунул ноги в шлепки и потащился вокруг водоема. Внешне он ничем не отличался от окружающих. Такой же грязный, как все. Никто не оборачивался, не смотрел ему вслед.

Ломарь добрался до мостков, повернул к душевым. У кабинки стояла «огромная» очередь из одного человека. Ломарь пристроился в затылок отдыхающему в безвкусной соломенной шляпе, стал набираться терпения. В мою сторону он не смотрел. Я вылез из озера, взял телефон и отошел в сторону. Душевая кабина выпустила полную женщину. Мужчина в шляпе исчез за дверью. Ломарь сделал шаг вперед и замер – перешел в режим ожидания.

– Слушаю тебя, майор, – живо откликнулся Игорь Борисович Мостовой.

Я вкратце изложил содержание беседы с агентом.

– Издеваешься? – вспыхнул Мостовой.

– Издеваюсь, товарищ полковник, – дерзнул я, – вот больше нечем мне сейчас заняться.

– Ладно, сбавь обороты, – проворчал шеф, – сам-то веришь ему?

– Не знаю, товарищ полковник.

– Где он сейчас?

– Напротив. Стоит у душевой кабины, ждет своей очереди.

– Ладно, я понял. Проводи нашего друга… хотя бы глазами. Потом дуй в Тамань, я тебя жду. И чтобы вся твоя группа стояла передо мной навытяжку. И не просто

так стояла, а с полным пакетом соображений и обоснований. Все, жду.

– Я обязательно приеду, товарищ полковник, – пообещал я. – Только не забывайте, где я нахожусь, а телепорты в этом месяце не выдали.

– Что не выдали? – озадачился Игорь Борисович.

Я скомкал беседу и погрузился в ожидание. Предчувствие неприятностей уже надвигалось, как обширный циклонический фронт. Предстоящая рабочая неделя обещала стать незабываемой. От нашей группы зависело многое. Я смотрел на телефон, колебался. Поднимать в ружье своих офицеров? Ладно, успею. Двое сидят в Керчи, третий на ж/д станции Портовая – он вообще рядом со штабом. Доберусь до Керчи – извещу народ…

Душевая кабинка освободилась, Ломарь забрался в нее, заперся. Омываться в море ему, как видно, претило.

Ломарь не задержался в душе, выскочил из кабинки еще не одетый, с сумкой, заспешил на парковку. Видимо, в машине решил переодеться. Я провожал его глазами. Он пошел к парковке, скрылся за деревьями.

Я подтащил свои вещи к воде, бросил их на камни. Постоял, набираясь храбрости. Все же среднее удовольствие – купание в холодном море в мае месяце.

– Какой привлекательный темнокожий мужчина, – прыснула одна из женщин, выходящих из моря. Инстинкты, данные природой, пока работали (впрочем, уже случались звоночки; эта работа доконает даже коня, насыщенного гормонами). Данная парочка выглядела куда привлекательнее предыдущих купальщиц. Обе невысокие, одна крепенькая, другая изящная. Первой было лет тридцать пять, вторая младше лет на восемь. Родные сестры, судя по некоторой схожести.

Я вежливо улыбнулся, посторонился, освобождая проход между горками камней. Женщина постарше стрельнула глазами, как-то непроизвольно вздохнула. Муж в природе имелся, судя по кольцу на пальце, но что-то с ним было не так.

– Пошли, Галка, не останавливайся. Иди уж… – подтолкнула ее сестра, бегло глянув в мою сторону, и при этом лукаво улыбнулась, – потом мечтать будешь, тебя Иван с тетей Таней дома ждут…

Когда я входил в воду, они уже натянули сарафаны, подхватили пляжные сумки и уходили к парковке. На все омовение у меня ушло не больше пары минут. Я выскочил из моря – уже не темнокожий! – схватил полотенце, начал растираться. Вытянул из сумки одежду, из пакета – легкие туфли песочного цвета, начал одеваться со скоростью новобранца, над которым завис дамоклов меч старшины. Джинсы, тенниска, туфли. Сверху жилетка из тонкой кожи – под ней неплохо размещалась кобура, которую я припрятал в сумке. Носить оружие нам полагалось всегда и везде, но перед посещением присутственных мест все же старались от него избавиться.

В стороне под обрывом расположилась на покрывалах большая украинская семья – все упитанные, щекастые, даже дети. У семьи был ланч – женщины галдели, мужчины смеялись; отпрыски носились друг за дружкой, тряся жировыми складками. Ели яйца, сало, консервированные овощи. Ближе к осени потащат на пляж арбузы, помидоры… Отдыхающие украинцы в Крыму вели себя непринужденно. Такие же люди, как и все. Вспоминались вопли украинского президента со всех трибун: украинцев в Крыму подвергают дискриминации, лишают прав, не дают спокойно жить и отдыхать! Я посмотрел по сторонам – никто не подвергал их дискриминации. И кучку татарской молодежи, идущую вдоль моря в неизвестном направлении, никто не третировал – молодые люди громко смеялись, темноволосый парень обнимал худенькую, как кленовый побег, девушку…

Я взобрался на песчано-ракушечную пересыпь, направился к парковке.

И уже зайдя за деревья, услышал истошный женский крик.

Глава вторая

Я правильно среагировал, только поздно! Там шумели люди, голосистая дама продолжала истязать голосовые связки. Я бежал, забросив сумку за спину. Обогнул неработающий киоск, кабинки биотуалетов, вылетел прыжками на

парковку. Здесь рядами стояли машины, но не сплошь – с разрывами. Что-то происходило на южной стороне автостоянки.

Я уже все понял. Какой кретин! Там мелькали люди, женщина кричала – теперь не так пронзительно. Я обогнул несколько машин, подбежал. Здесь были мужчины из числа отдыхающих, несколько женщин. Пятилась знакомая «автомама», закрывала ладонью глаза своему ангелочку, потом схватила его в охапку, потащила к машине.

Окровавленное тело лежало под открытой дверью подержанного кроссовера. Ломарь одевался в машине на заднем сиденье, а когда вылез из нее, чтобы пересесть за руль, в голову выстрелили из пистолета с глушителем. Задняя часть машины была забрызгана кровью с мозгами – в выходное отверстие легко вошел бы теннисный мяч.

Труп лежал, извернувшись, словно бежал в горизонтальном состоянии, поблескивали мертвые глаза. Под головой расплывалась багровая лужа.

Женщина перестала кричать, ее оттаскивала другая. Обеих я узнал – сестры. Никуда не спеша, за приятной беседой дошли до стоянки, а здесь такое… Та, что постарше, держалась за сердце и неуверенно дышала, у нее подгибались ноги. Лицо перекосилось, вылезли морщинки (грязь не помогла). Ее придерживала сестра, такая же бледная. Она узнала меня, пыталась что-то сказать, но только зря тужилась. Останки агента действительно выглядели малосимпатично.

– А его в больницу надо, да? – тупо вымолвил астеничный очкарик с мокрым полотенцем на плече.

– Надо, только не в обычную, – пытался кто-то сострить.

– А в какую?

В необычную, мать вашу! Я растолкал людей, вскинул удостоверение.

– ФСБ! Всем оставаться на месте! Кто видел, что тут произошло?

Старшая сестра икала, смотрела на меня и не могла понять, что я тут ору. Остальные словно в рот воды набрали. Подходили другие люди, спрашивали, что случилось, не нужна ли помощь, а увидев тело, пятились и исчезали.

– Вас как зовут, девушка? – спросил я младшую сестру.

– Оля, о Господи… – она закашлялась. И вдруг зачастила, как пулемет: – Мы шли с Галиной… ну, вы помните нас… Вон наша машина – «Лада Виста», видите, вишневая… – она показывала пальцем, – через три машины отсюда… А у этой дверь была открыта… Вернее, потом стала открыта… Она открылась, этот мужчина вылезти хотел, смотрим, кто-то быстро подошел – маленький такой, в тряпочной кепке… Я не видела, что он сделал, он сразу обратно, быстро так, еще на нас глянул. Потом почти побежал, а из того правого ряда машина выехала – он прыгнул в нее, и она рванула… Мы же не знали, в чем дело, дошли до этой машины, в он лежит… – она сделала глотательное движение, взялась за горло.

– Какая машина выезжала? – встрепенулся я.

– Ой, синяя… – икнула Оля. – Она так быстро выехала, а мужчина так быстро в нее прыгнул… Я марку даже не заметила, может быть, «Нива»…

– Куда она поехала?

– Ну, так… туда, – девушка невразумительно повела рукой. – Здесь один выезд с парковки…

Зато дороги две! Впрочем, не могла она увидеть, машины слева заслоняли!

– Кто еще был в машине?

– Ой, я не заметила…

– Граждане, кто видел? – вскричал я. – Это важно! Диверсанты, присланные СБУ, убили человека! Вы же не хотите, чтобы они убивали дальше?

– Да, да, знаете, мы тоже с женой видели, как все происходило… – зачастил седоволосый мужчина лет пятидесяти. Моложавая дама висела у него на руке,

пытаясь ограничить энтузиазм супруга. Не для того сюда приехали! Но мужчину несло, он все видел, очень хотел помочь. – Да-да, девушка права… Я не понял, откуда взялся этот парень – маленький такой, кепку на глаза натянул… Подбежал к машине – в ней как раз открылась задняя дверь. То ли хлопнуло что-то, то ли почудилось… Он так быстро назад пошел, а синяя «Нива» выехала из ряда – он и прыгнул в нее. Внутри второй сидел, я не разглядел его внешность… И номер не запомнил, извините…

Я бросился в конец ряда с припаркованными автомобилями, свернул влево на дорожку, припустил к выезду с парковки. Вот же дьявол, в два конца ведет дорога! За парковкой была развилка, левая дорога петляла к мысу Рюк, затем шла вдоль моря – к селу Войково. Этой трассой пользовались большинство автолюбителей, по ней курсировал общественный транспорт из Керчи. Правая дорога убегала за лысую гору Ташгал, тянулась краем Бабкинской балки и пропадала в безлюдной местности. Желающих ею воспользоваться было немного – в основном жители села Карнаково, через которое шла дорога. Она аналогично приводила в Керчь, но петляла по пустынной степи.

Я припустил к выезду с парковки. Там стоял маленький магазинчик – коммерсанты торговали изделиями нехитрого промысла. Дверь магазина была закрыта. От меня шарахались какие-то люди, испуганно смотрели вслед. За магазином вдоль дороги – навес, пара кухонных тумб, мангал с барбекю, холодильник с напитками. За спиной у лица кавказской национальности, жарящего шашлык, – пара столов, стульев. Заведение так себе – но если этот парень работает здесь давно, то вряд ли заинтересован в несварении желудков у своих клиентов…

Он испуганно смотрел, как я лечу к нему с задранным удостоверением. От страха обвисли усы, он заранее начал что-то бормотать, оправдываться, хотя никто его ни в чем не обвинял!

– Спецназ ФСБ, – выдохнул я, – Департамент по борьбе с терроризмом. Пару минут назад с автостоянки выехала синяя «Нива». Куда она поехала, гражданин? Неправильный ответ, и сядешь на десять лет – за пособничество террористической деятельности. Живо, гражданин, куда поехала синяя «Нива»?! – я почти орал.

– Дорогой, какое пособничество! – возмущался мангальщик. – Какие десять лет! Я гражданин России, понял, да? Ты того, да? – он покрутил закопченным пальцем

у виска. – Чего пугаешь? Туда они поехали! – он тем же пальцем показал на правую дорогу. – Быстро ехали, спешили очень!

– Ты не ошибаешься?

– Дорогой, ну что ты в самом деле… – мангальщик начал охать, «вахать», – ты думаешь, я сумасшедший, не знаю, куда поехала синяя «Нива» две минуты назад?

Он что-то квохтал, курлыкал, выражая праведное негодование. Я прыжками возвращался на стоянку. Мой небольшой «Субару» со 150 «лошадями» под капотом стоял почти на краю – хоть в этом повезло! Верная рабочая лошадка – жалко, что служебная.

«Специальные люди» содержали автопарк оперативного штаба, меняли все жидкости, проводили диагностику, заправляли полный бак. Попробовали бы это не делать!

Я прыгнул за руль, швырнул сумку на соседнее сиденье. Джип рванул, как породистая лошадка. Я огибал машины, вписываясь в дорожку. Из-под колес выскакивали какие-то люди. Да пошли они! Я был зол, как тысяча гремучих змей! Мангальщик выбежал из-за своей «установки», отпрянул, когда я промчался мимо. Я глянул в зеркало. Он колебался, потом вскинул руку, неуверенно помахал. Да пошел он тоже!

Я не понимал, что происходит. Следили за агентом, не за мной, ликвидировать при всем народе постеснялись, выждали момент, когда он будет один, пристрелили. Значит, был приказ – ликвидировать конкретную фигуру. О том, что он может передать секретную информацию, речь не шла. Иначе почему позволили с ним говорить, а после разговора связаться с начальством – и секретная информация пошла по просторам. Значит, не знали, что Ломарь владеет информацией. А может, идиоты – такое тоже случается, когда речь заходит о структурах киевского режима…

Я держал себя в руках – не рвал напропалую. Дорога грунтовая, покрытие неровное, но ям на дороге не было. Даже грунтовые дороги можно строить на века, а строить дороги в Крыму, как ни странно, умели. 90 километров я мог идти смело, машина держала трассу. Щебень вылетал из-под колес. Я мысленно

прикидывал – убийцы не будут гнать. Отъедут от озера, убедятся, что за спиной все тихо, и умерят пыл. Откуда им знать, что я примчусь на труп, что подвернется лицо кавказской национальности, способное ткнуть пальцем…

Справа по борту пробежала лысая гора. Дорога огибала ее, слева за обочиной мелькали секции заграждения – за ними пропасть в Бабкинскую балку. Бездна не бесконечная – дорога выскочила на равнину. Я плавно наращивал скорость – качество покрытия пока позволяло. Вцепился в руль одной рукой, подтащил к себе сумку, зарылся в нее, нащупал на дне полуавтоматический самозарядный пистолет Ярыгина «Грач» с обоймой на 18 патронов 9-го калибра. Положил его рядом с сумкой. Дорога скатывалась с горки. Растительность в этой местности почти отсутствовала – бледный аналог степного Крыма. Редкие кустарники, малорослая бурая трава, участки голой растрескавшейся земли. Местность вздымалась и опускалась плавными волнами. Голубели маленькие озера, расположенные вровень с землей. Дорога плавно извивалась между «барханами». Свернуть с дороги убийцам было некуда – я бы их заметил. Хоть какой-то плюс. Я схватил телефон, способный преобразовываться в приемо-передающее устройство, работающее на короткой волне. Дежурный по оперативному штабу тут же откликнулся на мой вызов.

– Рязанов, ты? – удерживать рацию было трудно, машина переходила в галоп. Я так и знал, что эта дорога где-то должна превратиться в «направление»! – Томилин на связи! Агент Пономарь ликвидирован диверсионной группой на озере Корчак; убийцы на синей «Ниве» уходят от Корчака в направлении Торнаково! Куда поедут дальше, не имею понятия!

– Откуда вам это известно, Томилин? – изумился представитель оперативного штаба.

– Идиот, я их преследую! – взвился я. – Всю задницу уже отбил! Сообщить в керченский штаб Росгвардии – пусть поднимают вертолет со спецназом! Будет свежая информация, сообщу! Пусть полетают, ничего страшного!

– Томилин, я понял… – дежурный не обиделся, – сообщите государственный регистрационный знак преследуемой машины!

– Ты издеваешься? – Я чуть от возмущения потолок не пробил головой. – Рязанов, я понятия не имею, какой государственный номер у этой хрени, я ее в глаза не

видел!

– Послушай, Томилин, ты вроде сегодня выходной? – не совсем уверенно произнес дежурный.

– О, мать святая! – вскричал я. – Давай еще об этом поговорим! Рязанов, не испытывай мое терпение, действуй!

Я отшвырнул телефон, вцепился в баранку – начинало трясти. Не скажу, что у меня излишне бунтарский характер, но порой эти тормоза доводят до кипения! И как же кстати я закончил разговор. «Субару» на полной скорости перевалил косогор, и я обнаружил синюю «Ниву»! Испарина побежала по лбу, пульс участился. Внизу распростерлась клочковатая равнина: холмики, заросшие рыжей травой, конусовидные возвышения, похожие на курганы. Между ними змеилась дорога, устремляясь на юго-восток.

До села Торнаково оставалось верст пять-шесть, и даже хорошо, что мы до него не доехали – там эти упыри могли бы затеряться, обзавестись заложниками. А в этой безлюдной степи им только суслики помогут!

Синяя «Нива» прыгала по ухабам метрах в семистах по курсу. Я злобно засмеялся – вряд ли в этой местности в данный отрезок времени найдется другая синяя «Нива»! Она разминулась с разбитым украинским недоразумением под названием «Таврия», и секунд через тридцать это ржавое корыто с болтами и гайками прогрохотало мимо, ведомое одноглазым пенсионером! Мне не могло почудиться, у него была пиратская повязка на глазу!

Едва затих за спиной надсадный треск, я прибавил газу, и дистанция между мной и «Нивой» стала быстро сокращаться. Здесь тоже имелись грязевые вулканы, но отдыхающие сюда не ездили. Местность дикая, пустынная – разве что «экстремалы» иногда забредали, фотографировались и спешили убраться.

Пассажиры «Нивы» пребывали в сонном неведении, однако насторожились, обнаружив, что сзади их нагоняет быстроходный внедорожник. Водитель на всякий случай прибавил скорость. Я тоже не сбавлял оборотов, рискнул, как говорится, всем – до предела выжал педаль акселератора… и такое ощущение, что «Субару» решил взлететь! Номер «Нивы» был заляпан грязью – прочесть невозможно.

Я с ревом обошел их, едва не ухнув в левую обочину. Они все поняли. За рулем сидел угрюмый молодчик – типа местный, небритый, наполовину выкуренная сигарета прилипла к нижней губе. Я мазнул его взглядом, физиономия диверсанта перекосилась от злости. Рядом сидел лысоватый шпендик – мужичонка лет тридцати. Такого увидишь в приличном обществе – и не подумаешь, что диверсант. Так, мелкий воришка – разве может такой из глушака вмазать?

Я не рассчитывал, что эти типы безоговорочно капитулируют. И был, конечно, прав. Угрюмый крендель выжал из «Нивы» все, что мог, – она с надтреснутым ревом пошла в отрыв.

Все-таки хорошая машина «Нива». Куда уж нам на японском внедорожнике – жалком подобии российского автопрома!

Я продолжал преследование, раскручивал обороты коленчатого вала, снова вылез на встречную полосу. Местным жителям сегодня повезло – никто не оказался на моем пути!

«Субару» сокращал дистанцию, поравнялся с преступниками. Я догадывался, что стрелять будут не из водяного пистолета, сполз по сиденью, сжал рукоятку «Грача». «Нива» шла на пределе, эти двое матерно выражались. Опустилось стекло, угрюмый водитель подался назад, возник убийца Ломаря со стволом. Он пытался удержать его одной рукой, ствол гулял и трясся. Не такой уж шпендик – глаза злые, губы сжаты. Машины неслись. Это надо было как-то пережить…

Убийца произвел два выстрела – и оба выше крыши! Их трясло, киллер не мог прицелиться. Я крутанул баранку вправо – автомобили опасно сблизились. Тут требовалась ювелирная точность. Чуть перекрутишь – и закружит обоих. Служебную машину было жалко, но не настолько, чтобы отказать себе в маленьком удовольствии. Удар был несильный, соприкоснулись борта, я вовремя вернул «Субару» на дорогу. А «Ниву» вынесло с проезжей части, правые колеса погрузились в кювет, и она продолжала движение, опасно накренившись.

Я обогнал их по своей полосе. Видимо, недостаточно ударил – надо было сбросить их с дороги, и пусть бы кувыркались в степи. Они орали от страха, выкрикивали неприличные слова. Угрюмый водитель потерял самообладание, не знал, что делать. Плохо пока еще работают натовские инструкторы…

И вдруг – я не поверил своим глазам! – «Нива» резко сменила направление. Все же оставались мозги – немного, но оставались. Он круто вывернул баранку. «Нива» подлетела, качнула бортами, как подбитый штурмовик, преодолела водосток и понеслась направо, в голую равнину! Подобного маневра я не ожидал, там ведь не проехать!

Я резко дал по тормозам. «Нива» удалялась прочь перпендикулярно дороге. Ее швыряло, горланили диверсанты. Она едва не протаранила каменную горку, вираж – взлетели левые колеса… Развернуться на этой дороге было проблематично. В принципе можно, но такая потеря времени!

И я повторил их маневр – направил машину по диагонали в водосток. Скрипел кенгурятник, защищающий решетку радиатора, – именно для этих случаев его и приварили. Я царапал днище, гнул задний бампер… и все же вырвался на простор. Я шел параллельным курсом, преступники вырвались вперед, уходили в глубь необжитой территории, где не было ни одной живой души. Иссохшая земля, разъеденная трещинами, пучки травы, что-то ползучее, кустарниковое…

Они взбирались на покатый холм, яростно газовали. С «Нивой» что-то происходило – синеватый дымок потек из-под капота. Но она катила, подчиняясь воле водителя. Я начал беспокоиться – что там, за холмом?

Мы шли параллельными курсами, я объезжал препятствия, но беспокойство нарастало – я начал сдавать вправо. «Нива» кашляла, чихала. Из нее загремели выстрелы! Субъект в кепке (но уже без кепки) вылез из двери, умудрился привстать, балансируя на подножке, стрелял через крышу – уже без глушителя. Об эффективности такой стрельбы можно было не париться. Но как защититься от шальных пуль? Одна срикошетила от капота, оставила вмятину. С левого сиденья мне было неудобно вести огонь, оставалось жалеть, что руль не справа.

Я терпел, проявлял выдержку. Сокращался интервал между машинами. Снова диверсанты вырвались вперед! Они неслись на возвышенность – с таким упорством, будто точно знали, что за ней! Они не могли об этом знать. И я не мог об этом знать. А если обрыв? Хотя вряд ли, здесь нет крутых перепадов…

И все же становилось тревожно. Я выжал тормоз, выпрыгнул наружу, не забыв прихватить «Грача». Коленка ахнула ослепительной болью. Гладкие окатыши вросли в глину, зимние дожди и ветра отполировали их до блеска.

Прихрамывая, я бросился бежать, вырвался за капот и повалился в жесткую траву, раскинув ноги. Я упер локти в землю, целясь с двух рук, дышал размеренно, никуда не спешил. Да как тут не спешить! Им до косогора оставалось метров тридцать! Я ловил в прицел переднее колесо машины, заставляя себя успокоиться.

Прицельная дальность «Грача» от силы сто метров, здесь чуть больше, ладно, ерунда… Я начал стрелять, когда им оставалось до косогора пятнадцать метров – выпустил несколько пуль.

«Нива» тряслась, ее болтало из стороны в сторону. Они ушли за косогор – с грохотом и лязгом. И что я сделал? Я озадаченно почесал дымящимся стволом переносицу. Что-то гремело за косогором, орали люди… Ладно, не время гадать.

Я кинулся обратно к машине, прыгнул за руль, помчался, разгоняясь. И угодил в какую-то зыбучую глину! Тормоз сработал, иначе катился бы колесом «обозрения» до самого косогора.

Я матерился, как сапожник, выволакивая все четыре колеса из податливого месива. Майор, ты жалок! Но нет, обошлось, грязный, как чушка, я вернулся на сухую почву, подался в объезд.

Я не доехал до «точки экстремума» метров восемь, остановил машину. Обежал вокруг капота, откинул пассажирское сиденье, воспользовавшись потайной застежкой. Под сиденьем «сундучок» со всякими необходимыми вещами. Я извлек коротышку «АКС-74у» с рамочным складывающимся прикладом, пристегнул снаряженный магазин и припустил к косогору. Впрочем, красоваться на вершине я не стал, растянулся за камнем – в одной руке пистолет, в другой автомат. Ударно проводим выходной день, товарищ майор…

За косогором, на покатом склоне, усеянном мелкими камнями, происходили интересные события. Во все края простиралась неказистая сухая равнина, а прямо под возвышенностью, метрах в двухстах от места наблюдения, раскинулось маленькое соленое озеро (возможно, такой же грязевой вулкан), окруженное на удивление рослыми кустами. Словно лысина католического священника, окаймленная пучками волос.

В «Ниву» я все-таки попал. Она перемахнула через косогор, и пробитое колесо повело ее в сторону. Они наехали на торчащий из земли клык песчаника и перевернулись! Метров двадцать они проехали на боку.

Экипаж машины боевой уже покинул свое транспортное средство, бежал вниз по склону, энергично матерясь. Угрюмый мужик прихрамывал. Шпендик прыгал вокруг него, махал руками. Это были заурядные исполнители, никакие не «зубры», но явно не местная шпана – имели навыки и работали дерзко.

Я отложил «Грач», передернул затвор автомата и, особо не целясь, хлестнул очередью над головами преступников. Они рассыпались, попадали за камни.

– Эй, уроды! – крикнул я. – Вас приветствует Центр специального назначения ФСБ Российской Федерации! Выбросить оружие, подняться, руки за головы – и шагом марш сюда! В противном случае вы трупы!

Они открыли беглый огонь из пистолетов Макарова. А я еще имел глупость приподняться. Пули били по камням, свистели над головой. Я рухнул плашмя, покатился в сторону. Они кричали что-то, злобно смеялись. И чему, спрашивается, радовались?

Когда я вернулся на позицию, они уже удирали по склону, приближались к озеру. Шпендик первым достиг кустарника, нырнул в него. Второй припадал на ногу, оттого и скорость имел незначительную. Но тоже добрался до спасительной растительности, пропал.

Возникала занимательная ситуация. Они знали, что я один. Но я был наверху, неплохо вооружен, а еще под боком у меня имелась машина. Все преимущества налицо. Со своей позиции я видел озеро, опоясанное кустарником, бескрайние голые просторы во все концы. Им никуда не убежать, я их полностью контролировал!

Я снова сделал попытку привстать – на этот раз осознанную. Они открыли огонь с восточной стороны озера. Запасных обойм у этой публики, похоже, хватало. Я снова прилег. У «ПМ» прицельная дальность – не больше пятидесяти метров, далее все пули летят в «молоко», хотя их убойная дальность, конечно, выше…

– Эй, але, сдавать будем? – крикнул я. – Еще не поздно оформить явку с повинной и чистосердечное признание! Вы же понимаете, что влипли?

Ответом была площадная матерщина и тупая пальба. Я на всякий случай принял упор лежа. Откатился за безопасную горку, пошарил по карманам – где мое средство связи? Последнее оказалось в наличии, а главное, целым. Дежурный по штабу был на связи.

– Ну что, Рязанов? – проорал я. – Где наша хваленая Росгвардия? Преступники заблокированы, но не сдаются. Нужен вертолет со спецназом! Где они, мать их, за пивом полетели? Я один должен все ведомство кормить?

– А вы неплохо проводите время, товарищ майор, – похвалил Рязанов, – мне нужны ваши координаты… Впрочем, я их вижу на мониторе. Опишите вкратце ситуацию.

Я описал, сгустив краски, чтобы пошевеливались.

– Вертолет в Керчи давно готов, товарищ майор, – сообщил Рязанов, – но они не могут висеть в воздухе, ожидая, пока вы соизволите их пригласить. Через пару минут они вылетают, ждите.

– Эй, да чтобы не вздумали стрелять на поражение! – спохватился я. – Диверсанты нужны живыми! Перестрелять их я и сам могу!

– Кто бы сомневался, товарищ майор, – хмыкнул дежурный и отключился.

Примерно минуту я лежал неподвижно, таращась в безоблачное небо. Спохватился, бросился на позицию. А это что за веселые старты? Преступники кустами обошли озеро и улепетывали в западном направлении, ежесекундно оглядываясь.

Я, откровенно говоря, впал в ступор. Куда тут можно убежать? Ума палата? Впрочем, расщелин и скрытых ложбин в степи хватало, на что им еще рассчитывать? Сидеть и ждать, пока прилетит «голубой вертолет»? Боеприпасы у них оставались, решили рискнуть.

Они убегали на запад, шпендик вырвался вперед, оборачивался, торопил товарища, который хромал и не мог бежать быстрее. «Да пристрели ты его, – почему-то подумал я, – один, возможно, и уйдешь…»

Я побежал к машине, прыгнул за руль. Внедорожник с ревом перевалил косогор, покатил вниз – мимо проплешин красной глины, мимо перевернувшейся «Нивы», демонстрирующей проржавевшее днище.

Я отправился в объезд – с южной стороны, там местность выглядела сглаженной. Они опять кричали, метались, стали палить. Споткнулся угрюмый, пытался встать. Товарищ прыгал вокруг него, махал пистолетом, орал, как пронзительный попугай.

Я заходил на них с юга, несся в лоб. Оба залегли, стали стрелять прицельно. Я слышал звон – пуля попала в кенгурятник! Пришлось остановиться. Я катился с автоматом на красную проплешину, ударил с колена. Щадил я эту мразь, стрелял над головами. Бежать им было некуда – только назад.

Они отправились обратно перебежками. Я видел их искаженные от ярости лица. В принципе именно это от них и требовалось. Подставлять под пули машину крайне не хотелось (доказывай потом, что это не намеренная порча государственного имущества).

Я теми же перебежками бежал за ними, стрелял короткими очередями, загонял их обратно в кусты. Купайтесь, твари, в вулкане, когда еще удастся! Они расползались по кустам, огрызлись огнем, но уже без прежнего бешенства.

Я сделал свое дело и мог удалиться – побежал обратно к машине. Через минуту я опять выписывал круги вокруг озера, держась на удалении, чтобы не повредили машину. Они пытались пробиться на склон, добежать до своей «Нивы», чтобы организовать там круговую оборону, но я пресек их намерения – снова покинул машину и открыл огонь (благо под сиденьем имелся запас снаряженных магазинов).

Преступники устали. Опять попрятались в кусты, переругивались. А я гарцевал вокруг озера с гордым видом – как на арабском скакуне. Бензина пока хватало. Во всем происходящем было что-то смешное. Они не могли вырваться из кольца, которое заблокировал один человек, а я не мог их взять, поскольку бронежилет,

по случаю выходного дня, остался дома в шкафчике.

В итоге я вернулся за косогор, покинул машину, принял лежачую позу и закурил. Они кричали из кустов какие-то гадости, предлагали сдохнуть. Я не оставался в долгу, желал им утопиться в целебной грязи или перестрелять друг друга.

А день был, кстати, не резиновый. Своей пальбой мы никому не мешали, разве что привлекли парочку орлов, которые снизились и барражировали над озером, гадая, что за хрень там происходит.

Появились, наконец, родимые! Сначала раздался отдаленный стрекот, маленькая точка в небе стала расти, принимать знакомые очертания. И вскоре надо мной завис буро-зеленый вертолет «Ми-8АМТ» с символикой Росгвардии на борту! Внушительная машина, предназначенная для ловли преступников.

Меня чуть не сдуло! Он опускался, покачивал упитанным брюхом, весь такой вальяжный, со вспомогательной силовой установкой, с пилотажно-навигационным оборудованием, со специальным отсеком для отделения спецназа. Я на всякий случай отложил автомат, поднял руки и начал выразительно показывать: туда летите, туда! И что за бестолковый народ?

Пилот раскинул мозгами, вспомнил вводную и отправился к озеру. Вертушка зависла над грязевым водоемом. Полегли кусты. Концентрические круги побежали по воде, волны хлынули на берег…

А дальше происходило сущее безумие! Отключились мозги у украинских диверсантов! Неужели такая ненависть, что сдохнуть готовы? Они открыли по вертолету беспорядочный огонь! Стреляли из пистолетов, подбадривали себя криками. Пули отскакивали от стального брюха, одна попала в стойку шасси, но тоже не причинила вреда. Вертолет отнесло, он накренился – и пуля ударила по застекленной кабине. Хорошо, что стекло не простое!

Я уже понял, что сейчас произойдет. Спина похолодела. Я подскочил, замахал руками, взревел:

– Не стрелять!!!

Но куда там! Вертолет накренился кабиной вперед, набычился, устремляясь в атаку. Забился в судорогах крупнокалиберный пулемет! Вертушка висела над озером и поливала огнем. Целебная грязь летела фонтанами, ломались кустарники, разлетались ветки, красная пыль над озером встала столбом…

Я схватился за голову, оседлал косогор и печально смотрел на это никем не санкционированное безумие. Пулеметчик расстрелял боезапас и заткнулся с чувством гордости за работу, проделанную на высоком профессиональном уровне. Вертолет подался к югу, пилот искал площадку для приземления.

Я вздохнул, забрал автомат и стал спускаться. Зла не хватало. Вот заставь дурака богу молиться! На всякий случай я передернул затвор. На что рассчитывал, наивный? Они перепахали все окрестности озера. Кустарник превратился в мелко нарезанную зелень. Вода уже успокоилась, но все берега были умыты грязью. Истерзанные пулями тела тоже покрывал ее равномерный слой.

Я вздохнул, опустился на колени, ткнул стволом в угрюмого. Действительно угрюмый, столько злости в глазах. Черепушка вскрыта, грудная клетка порублена на ребрышки. Я переместился, перевернул второго. И с этим все было кончено – несколько пуль в организме, пасть оскалена, глаза блестели.

Я опустился к воде, сел на камешек и закурил. Посматривал краем глаза, как бравый спецназ выстраивается в боевой порядок, подходит, держа оружие на изготовку. Прозвучала команда: отставить! Рослый мужик стащил шлем, приблизился со смущенным видом. Подкрался как-то бочком, отдал честь.

– Капитан Наумов, отдельная бригада Росгвардии по охране Крымского моста…

– Майор Томилин, Центр специального назначения ФСБ, – я показал документ, – это я вас вызвал. Ну и что вы наделали, капитан? Зачем вас прислали? Убить их я и сам мог.

– Так это, товарищ майор… – Наумов сконфуженно почесал затылок. – Кто же знал? Они стрелять по нам начали, была реальная угроза падения вертолета…

Я печально смотрел ему в глаза. Из пистолета сбить вертолет? Это каким же должен быть вертолет? Бравый капитан походил на растерянную девочку,

пролившую борщ и получившую по затылку от мамы.

– То есть других способов не было? Отогнать вертолет, высадить людей, подключить к работе снайперов…

– Простите, товарищ майор, – он опустил голову, – но зачем они стрелять начали? Может, они просто идиоты?

– Может, и так, – согласился я. – Но вам-то зачем им уподобляться? Был приказ, вы его нарушили. Эти люди могли владеть информацией о подготовке терактов в Крыму.

– Приказа не было, – дерзнул капитан, – были пожелания вашего дежурного взять преступников живыми. Но я считаю, что создалась критическая ситуация, я не мог подвергать опасности своих людей…

Разговаривать с ним было бессмысленно. Формально приказа не было. Жаловаться тоже глупо – каждое ведомство в этом споре будет тянуть одеяло на себя. И неважно, что все мы служим одному великому делу.

Я обыскал тела, вытряхнул, превозмогая тошноту, денежную мелочь, сигареты российской фабрики «Погар», зажигалки, парочку нереализованных обойм. У диверсантов имелись неплохо выполненные российские паспорта с регистрацией в городе Пскове. Некто Валентин Мурышкин и Аркадий Сивец. Паспорта могли быть подлинными, требовалась экспертиза.

– Не трогайте ничего, – буркнул я. – Сидите здесь, пока не прибудет следственно-криминалистическая группа.

Наумов пожал плечами, отвернулся. Я отошел в сторону, позвонил полковнику Мостовому, пробился через его «фирменное» ворчание и доложил только правду и ничего, кроме правды. Про убийство продавшегося агента, про убийство убийц продавшегося агента.

– Вот черт, потеряли Ломаря… – не на шутку расстроился Мостовой. – А что касается этой шустрой парочки и доблестных вояк из Росгвардии… Вот так прямо прилетели и расстреляли? – не поверил Игорь Борисович.

– Ага, – согласился я, – самым циничным образом.

– Ну и денек, – посетовал Мостовой, – даром, что выходной… Давай суммировать неприятности: мы потеряли своего человека в украинской разведке – это раз. Его провал может повлечь провал других. Под ударом окажутся люди, имевшие с ним контакты, например, ты, майор. Но ты позаботишься о своей безопасности. Второе: мы потеряли убийц нашего двойного агента – утрата, конечно, тяжелая, но не досадная, – ты сам-то веришь, что они могли много знать? Пусть не криминальный элемент, нанятый за деньги, а подготовленные спецы, канающие под блатных, но все равно это не та публика, что располагает серьезными сведениями. И третье: с твоих слов, а вернее, со слов Ломаря явствует, что на день открытия автомоста наши украинские «друзья» планируют что-то подлое. Угроза серьезная, чтобы от нее отмахиваться, считая, что мост неприступен. Не существует ничего неприступного, майор. А посему жди прибытия оперативно-следственной группы – я немедленно распоряжусь, чтобы она выехала из Керчи. Как прибудет, обрисуешь ситуацию – и ко мне. Нам есть о чем поговорить. Своих людей – тоже… впрочем, об этом я уже говорил. И не ссорься с Росгвардией, прошу тебя. Там не Сократы, но они нам еще пригодятся…

Глава третья

Лишь в четвертом часу пополудни, расстроенный, уставший как собака, я подъехал к паромной переправе порта «Крым». Здесь все было нарядно, окрашено, готово к наплыву туристов в наступающем курортном сезоне.

Имелось смутное опасение, что с вводом в эксплуатацию нового моста поток желающих воспользоваться Керченской переправой сильно не уменьшится. Как ездили по старинке, так и будут. Разве что потом, постепенно, как всегда и происходит с появлением чего-то нового…

У причала возвышался здоровенный бело-синий трехпалубный паром, зафрахтованный в прошлом году в одном из греческих портов. Парковки были забиты легковым транспортом, толпились люди с вещами. Рабочие в оранжевых жилетах закатывали в асфальт новые площади под автостоянки.

Я не стал заезжать в порт – ждать своей очереди, грузиться на паром, а потом через Чушку добираться до Тамани – стемнеть успеет. В половине седьмого вечера в наших местах – уже глухие сумерки. Убедившись, что за мной никто не следит (для этого пришлось оставить машину у гаражей, погулять и вернуться), я поехал окольными дорогами на север от порта, миновал гаражный кооператив, складское хозяйство и у самого края городской черты выехал к разрушенному пирсу.

От него остались только сваи, да и то не везде. Странная конструкция, похожая на челюсть гигантского крокодила, вдавалась в море. Она смотрелась устрашающе. Здесь даже дети не играли – после того, как несколько лет назад произошел несчастный случай. Из воды торчали прутья арматуры, расколотые плиты. Местечко было нелюдимое, люди сюда почти не забредали. Купаться в море было невозможно – слишком много камней и железа. Вповалку лежали бетонные плиты – этим «скульптурным композициям» было лет сорок.

Я ехал по дорожке краем кустарника, мимо заброшенной водонапорной башни, бетонных заборов. В стороне от людских глаз приютилось что-то вроде «ведомственного» причала с небольшой парковкой для автомобилей. Заведение охраняли два сторожа и две собаки – сущие дьяволы. Сторожа радением не отличались, нехватку их трудолюбия окупали свирепые «друзья человека», прикованные к будкам.

Под истошный лай я проехал открытые ворота, кивнул высунувшемуся сторожу. Он тоже кивнул и ушел к себе, смотреть телевизор. Ключи от машины я оставил за щитком на ветровом стекле. Своеобразный «каршеринг»: прибудет на лодке другой сотрудник, сядет на «Субару» и поедет по делам.

Дощатым тротуаром я выбрался к причалу, нашел свою лодку, прикованную канатом к чугунному кнехту. Помимо этой штуки, здесь находились несколько других маломерных суденышек. Роскошных яхт офицерам спецназа, к сожалению, не выдавали. Но это было не старье.

Моторная лодка именовалась катером, хотя была обычной лодкой. Марка изделия – Wyatboat 3DC, выполнена из стеклопластика. Остроклювая, сравнительно белоснежная, в современном дизайне, отсек для пассажиров напоминал салон легковушки – два кресла впереди, три сзади. Современная панель управления, руль. Запуск двигателя, подвешенного сзади, осуществлялся поворотом ключа. Лодчонка была неприхотливая, мощность –

всего 60 «лошадей», выдерживала не больше двух баллов штормового волнения, но сотрудникам хватало. Средство из разряда «тупо доехать». В Керченском проливе редко поднимались высокие волны, а для перемещений на других участках имелся иной транспорт.

Мотор гудел размеренно, не раздражал. Подошел зевающий сторож, отвязал канат от кнехта, забросил его на корму и пожелал счастливого пути. Я кивнул, направил «клюв» суденышка в море.

Инструкции повелевали швартовку и выход из «гавани» только под прямым углом – в акватории было много мусора и отмелей. Я отмахал под заунывный треск пару кабельтовых, развернул посудину на девяносто градусов к югу и начал по касательной удаляться от берега.

Мне нравилось море, нравилась быстрая скачка по умеренным волнам, хлесткий ветер, выдувающий из головы все лишнее. Это успокаивало, настраивало на нужный лад – до тех пор, пока не становилось холодно…

Весна в этот год выдалась мягкой. С оговорками можно считать, что пришло лето. По воде бежали барашки, ветер дул в спину, с Азовского моря. Слева тянулась 15-километровая коса Чушка, вдающаяся в Керченский пролив с северной части Таманского полуострова. Там находились восточные терминалы Керченской переправы, мощный грузовой порт «Кавказ», благополучно добивающий экологию пролива. Возвышались краны, теснились портовые строения, в прибрежных водах было тесно от грузовых судов. По траверзу медленно двигался тот самый трехпалубный паром, набитый людьми и автомобилями. Наши траектории не пересекались, я успевал проскочить раньше.

Я обернулся. Удалялось Азовское море, на котором я так содержательно провел половину дня.

Не так давно героические украинские пограничники провели блестящую операцию: задержали в Азовском море «мирно пасущийся» рыболовный сейнер керченской приписки. Керчь – российская, и судно, соответственно, российское. Но для украинских официальных лиц – все наоборот. Операция напоминала задержание спецназом опасной банды. До зубов вооруженные пограничники на двух катерах атаковали сейнер, арестовали команду, судно и пойманную рыбу. Все это под конвоем направили в Мариуполь, где на членов команды завели

административные дела о «незаконном выезде с временно оккупированной территории». А на капитана сейнера – уголовное дело. «Крым был и остается украинским! – потрясал кулаком одутловатый президент. – И в нем и вокруг него действуют только законы Украины!» Пиар был, честно говоря, средний. Команду мурыжили больше месяца, заставляли жить на судне рядом с протухшей рыбой. Капитан до сих пор за решеткой, и адвокаты никак не могут его вытащить…

Лодка шла по Керчь-Еникальскому проливу – здесь проходил фарватер. Навстречу двигалась небольшая баржа, давала вираж для захода в порт «Кавказ».

Коса Чушка не кончалась. Из марева угасающего дня выплывал величавый Крымский мост – поистине стратегический объект, соединяющий Тамань с Керченским полуостровом. Транспортный переход возводили в сжатые сроки. Автомобильный мост был практически готов. Железнодорожный, вплотную примыкающий к автомобильному, – еще нет. В 2015 году начали строить автомобильные подходы к будущему мосту со стороны Тамани. В 2017-м – автодорожный подход из Крыма.

Рабочие «Стройгазмонтажа» трудились без выходных и праздников. Стройка не простаивала, здесь постоянно царила активность. Отсыпка земляного полотна, возведение многоуровневых развязок, ударными темпами строился технологический мост…

История пока умалчивает, сколько денег было украдено при строительстве, но, очевидно, в меру – работы кипели круглосуточно. Почти 600 опор для нового моста – их вбивали в грунт гидравлическими молотами, бурили для них каналы в подводных скалах, которые впоследствии заливали бетоном. Потом устанавливали пролетные металлические конструкции, поверх – железобетонные стяжки для укрепления и устранения неровностей, а уж сверху монтировали дорожное полотно. Асфальтобетон поставлялся с заводов, которые построили по обоим берегам пролива.

Потом начались работы по обустройству дренажа, по очистке дренажных вод, возводили барьерное ограждение, монтировали иллюминацию, системы контроля дорожного движения. Восточные подъезды к мосту должны были стать частью автотрассы Керчь – Новороссийск; западные – частью строящейся трассы «Таврида»: Керчь – Симферополь – Севастополь…

От Керченской переправы до моста порядка семи километров – четыре морские мили. Фарватер перекрывали две мощные арки с подмостовым габаритом 35 метров – они уже вырисовывались из дымки. Одна за другой – через обе проходили суда, идущие по Керчь-Еникальскому каналу. Другого пути здесь не было – только этот 150-метровый пролет между арочными опорами. Железнодорожную арку установили в августе прошлого года, автомобильную – через полтора месяца. Практически вся Тузлинская коса и примыкающий к ней остров Тузла находились под мостом. И снова там кипела работа – строящийся объект был оцеплен плавучими кранами, по технологическому мосту сновал автотранспорт…

Навстречу проходили суда – в основном грузовозы и баржи. Корабли высоких габаритов, превышающие 35 метров, в Керченский пролив не заходили – хотя истерично настроенные украинские чиновники утверждали обратное.

Международные суды заваливали исками, Россия нарушает морское право, из-за нее порты Бердянска и Мариуполя несут колоссальные убытки! Фактически же деградация этих портов началась еще в 2014 году, когда и в помине не было никакого моста, зато имелись испорченные отношения с Россией, и грузоперевозки из последней свелись к нолю.

Суда же класса «Панамакс» (контейнеровозы, габарит при полной загрузке – свыше 35 метров) в Азовское море заходили крайне редко – и не было ни одного случая, чтобы они шли с полной загрузкой…

Чем ближе я подходил к мосту, тем сильнее ощущалось недоумение: какую гадость замышляет СБУ? Особых глупцов там не было, понимали, с чем имеют дело. Подготовить диверсию, а потом потерпеть фиаско – самому себе вырыть яму и лишиться карьерных перспектив. Мелкие пакости – да, но чтобы что-то крупное, организованное, да еще на самом мосту…

Я терялся в догадках – что это может быть? Открытая иностранная агрессия исключается. В Крыму развернут комплекс «С-400», мост включен в зону его покрытия. Комплексу ассистируют ЗРК «Тор» и «Бук» для уничтожения низколетящих целей. В зоне запрета доступа работают автономные подводные аппараты. Работает авиация с комплексами радиолокационного дозора.

«Ястребы» из аналитического центра «Атлантический совет», приближенного к НАТО, заявляли, что Крымский мост наносит ущерб имиджу США – как доказательство их полной беспомощности по защите своих союзников. Эти неадекватные люди даже требовали от Пентагона, чтобы тот отправил флот в Черное море. Пусть американские корабли снуют туда-сюда из Черного моря в Азовское, капают на нервы строителям и в итоге сорвут ввод объекта в эксплуатацию. На полном серьезе предлагали!

Для обеспечения безопасности моста сформирована целая морская бригада Росгвардии. Пловцы-аквалангисты, «морские дьяволы». В подчинении командования бригады – противодиверсионные катера проекта 21980 с милым названием «Галчонок». Разработан специально для уничтожения террористов над поверхностью воды. В комплекте – гидроакустические станции, оптико-электронная система обнаружения, башенная установка с пулеметом «КПВТ», специальные противодиверсионные гранатометы «ДП-65». Техника – новая, вооружение – новейшее. Стрелково-гранатометный комплекс «АДС» – позволяет вести огонь под водой, способен уничтожать террористов игловидными пулями, а гранатомет, встроенный в него, может глушить их, как динамит – рыбу.

Скоростные катера проекта 03160 «Хищник» – бронированные, десантные, с тремя пулеметными установками. Главная сила – отряд бойцов-аквалангистов, способных решать задачи самого широкого профиля – от ведения полноценного боя до разминирования взрывных устройств и установки мин-ловушек для диверсантов. По всей акватории размещены гидроакустические буи – распознают подводные угрозы и подают радиосигнал, по которому тут же устремляется тревожная группа…

Три недели назад проводились учения. Все получилось, подразделения выполнили свою задачу. На территории, прилегающей к мосту, – специальное ограждение с ограничением доступа посторонних. Повсюду камеры видеофиксации. Капитальная система заградительных постов, пункты досмотра, охранная сигнализация, система связи и оповещения для охраны, средства мониторинга примыкающей территории и акватории.

В охране моста – не единожды проверенные люди, строители – только благонадежные; ни одно неопознанное судно не подойдет ближе ста метров к «стройке века», не получив торпеду в бок. Таких беспрецедентных мер безопасности не было нигде, что и понятно – кусочек лакомый. Даже опоры моста защищены от попыток тарана: строятся палы – специальные сооружения

из металлического шпунта с каменной засыпкой и железобетонным оголовком. А между Тузлой и фарватером мостовые опоры защищает историческая фортификация – искусственная отмель из каменной наброски, сооруженная еще в XIX веке. Это заставляло суда идти ближе к Керченской крепости и попадать под огонь ее батарей…

Приближался лес плавучих кранов – шло сооружение железнодорожного моста. Без авралов, простоев – работали размеренно, вовремя подвозили стройматериалы, металлоконструкции, все необходимое для непрерывного процесса. Как это не похоже на матушку-Россию!

Я подходил к первой арке, сбросил скорость, давая время системе распознавания. Краны перемещали грузы, искрила сварка. На обеих арках, взметнувшихся выше 80 метров, работали люди в касках и оранжевых жилетах. Громоздилось вспомогательное оборудование, виднелись строительные вагончики – сборные модули, собираемые за несколько часов.

Не все вагончики являлись бытовками. В отдельных сидели мои коллеги, мониторили обстановку современной аппаратурой.

Несколько раз случались инциденты. Недавно сработал буй – и группа пловцов на скоростном «Хищнике» устремилась по сигналу. Под опорами обнаружили водолазов в гидрокостюмах! Долго не разбирались – всю компанию постреляли из «АДС», а потом вытаскивали на палубу «оглушенную рыбу». Пришли в себя, задергались. Оказалось, дайверы – студенты из Адлера, решили «авантюрно» провести свободное время. Выяснили личности – все совпало. Извиняться, конечно, не стали – предупреждающих знаков хватало, могли и не лезть. Отвезли слегка обалдевших студентов в Тамань, выдали на руки примчавшимся родителям и популярно объяснили, что не надо ставить на уши Интернет, подавать в суд, нанимать адвокатов – дело заведомо провальное, а неприятности можно нажить…

Встречным курсом под аркой проплывал рыбацкий баркас с «гордым» украинским флагом. Его никто не задерживал. Заниматься подобной ерундой – прерогатива украинской стороны. Но незримые приборы его изучали, тепловизоры ощупывали внутренности. Отдельные обладатели оранжевых касок (внешне смахивающие на членов монтажной бригады) проводили визуальный осмотр.

Российская сторона не выражала неприязни. На палубе баркаса находилась команда. Люди курили, настороженно поглядывали на проплывающую над головой махину арки. Мужик в штормовке и грязном тельнике презрительно сплюнул за борт. Второй смельчак показал строителям средний палец. Остальные никак не реагировали. Молодой парнишка, стоящий в стороне, покосился на товарищей и украдкой помахал строителям.

Я благополучно миновал арку – украинские моряки в мою сторону даже не смотрели.

За островом Тузла пролив расширялся – фактически шесть морских миль от берега до берега. В лодке что-то чихнуло, но я не обратил внимание. Движение судов сегодня было незначительным. Для портовых работяг – выходной день, для отдыхающих – не сезон…

Я прибавил скорость. Мотор снова чихнул. Лодка как-то вздрогнула. Теперь я обратил на это внимание, но решил не заострять. Я отдалялся от моста. Пора забирать на юго-восток, от фарватера – к южной части Таманского полуострова. Лодка большую скорость не развивает, от силы двадцать узлов – всегда хватало сорока минут, чтобы пройти этот маршрут.

Я заложил штурвал на левый борт. Лодка плавно отправилась по дуге. Градусов десять-пятнадцать от фарватера – и довольно, можно устанавливать круиз-контроль.

Посудина размеренно бежала, разрезая волнующееся море. Качка умеренная, вода не захлестывала. Отдалялся вытянутый, похожий на худую селедку остров Тузла, когда-то бывший частью Тузлинской косы.

До 2014 года остров принадлежал Украине, там скучали украинские пограничники, теперь их освободили от такой обязанности. Нынче украинские военные скучают в Донбассе – под проливными обстрелами и осадками в виде мин и снарядов.

На этой стороне моста особой активности не было – строительство закончено, а охрана в глаза не лезла. Остров отдалился, вместе с ним отодвинулась Тузлинская коса. Фарватер теперь был справа, а я находился на участке, где судоходство фактически отсутствовало.

За Тузлинской косой тянулись берега Таманского полуострова. Справа просвечивал в дымке Крымский полуостров.

Город давно оборвался, в береговой полосе вздымались скалы. Перед носом лодки расплывалось безбрежное Черное море – все оттенки синего от бирюзы до лазури. Солнце, идущее к закату, рассыпало по водной глади искрящиеся блестки. За спиной осталось грузовое судно с турецким флагом, идущее в порт «Кавказ».

Я решил, что выбранного угла поворота недостаточно. Отключил круиз-контроль, взялся за штурвал, чтобы сместиться ближе к Таманскому берегу…

В этот момент оно и случилось. «Принудительная газификация» принесла неожиданные результаты. Лодка дернулась, мотор заглох. Я не поверил своим ушам – подобного на моей памяти еще не было. Моторка закачалась, рывками пошла вибрация. Она по инерции продолжала двигаться, но скорость падала.

Удивлению не было предела. Технику регулярно осматривали, бензина хватало. Я дергал рычаг, выключил и снова включил зажигание. Двигатель не работал.

Я перебрался назад, чтобы запустить его вручную, пристроился на колено, стал осматривать массивную глыбу под названием «Меркурий» на предмет заводной рукоятки. Таковая нашлась, но мотор не реагировал – а ведь новый, зараза!

Примерно полминуты я пыхтел, тщась оживить безмолвную груду железа. «Спокойствие, – уговаривал я себя, – только спокойствие, как говорил великий Карлсон. Ситуация штатная, со всеми подобное случается. Ну, день такой, что тут непонятного? Как не задался с самого начала, так и продолжается».

Я успокоился, перевел дыхание, стал вертеть головой. Я находился в интересном месте – где вообще никого не было! Берег Тамани, редкие суда на далеком фарватере, пропадающий в дымке Крым, бездонное Черное море и берег турецкий в его завершении… Хоть бы какая сволочь проплывала мимо да взяла на буксир! Что-то белело в районе Керчь-Еникальского канала – мелкая посудинка шла со стороны Крыма. Арку моста проходило что-то ярко-оранжевое и громоздкое. Но так далеко, черт возьми! Качка усилилась – впрочем, ерунда, в этом проливе крайне редко случаются серьезные волнения…

Я вынул телефон, набрал абонента. Самое время вызывать спасателей. Телефон не работал! Я находился в зоне, где глушились все сигналы сотовых операторов! Спутниковый телефон остался в штабе. Просто замечательно. Имелись весла. Грести на веслах – при таком поперечном габарите? Для подобной операции нужны как минимум двое.

Снова закачало. Тот самый «девятый вал», расписанный Айвазовским в одноименном полотне. Вернее, жалкое подобие того вала. Примерно девятая (бывает, что восьмая или десятая) по счету волна по интенсивности мощнее остальных. Что-то связанное с луной и солнцем. На этот раз качнуло, мне кажется, сильнее. Или показалось? Да нет же! Вода захлестнула корму лодки, проникла в углубление на крохотной задней палубе и осталась в нем!

Глупость какая-то. Что происходило? В этот момент я, к своему прискорбию, и обнаружил, что лодка накренилась. Задрался остроконечный нос, а корма соответственно погрузилась в воду. В этом присутствовало что-то иррациональное. Но глаза не врали – корма с мотором медленно уходила в воду.

Первые минуты я пребывал в замешательстве, поскольку столкнулся с чем-то новым. О смерти, разумеется, не думал. Какая смерть? Я находился не в открытом море, не орал от страха на гребне волны 12-балльного шторма… Но времени на раздумья и созерцание уже не оставалось. Корма тонула, значит, в задней части днища образовалась пробоина. Сама образовалась? Нереально, маломерные суда, приписанные к нашему ведомству, регулярно осматриваются и при необходимости подвергаются ремонту.

Что случилось в первой половине дня? За Ломарем и мной, возможно, следили (но не те два идиота), Ломарь отправился в лучший из миров, а я – нет. Еще и дел натворил, приняв участие в ликвидации маленькой диверсионной группы. Какой смысл меня убивать, если вся полученная от Ломаря информация давно отправилась по адресу?

В этих рассуждениях я не силен. С логикой и здравомыслием у наших украинских коллег не всегда гладко. Расстрелять в упор ответственного офицера ФСБ – это значит, что все службы встанут на дыбы, и хрен тогда осуществишь задуманное. Но если поковыряться в движке – чтобы сломался, но не сразу; проделать «хитрую» пробоину – чтобы вскрылась течь, но не быстро…

Какая польза от сторожей на спецпричале? Сидят в будке да смотрят телевизор. Подходит катер или машина по суше – высовываются. Собаки по причалу не бегают. Зайти с моря, сделать черное дело – это в принципе реально. Но зачем? Я все равно не понимал. Не факт, что все случится в нужном месте. Не факт, что меня не подберут. Предупреждение? Ну, хорошо, предупредили…

Тонущая лодка все больше напоминала целящуюся в небо зенитку. Мотор ушел под воду, вода заливала задний отсек, пассажирские сиденья. Промокли ноги.

Я перелез вперед, пристроился на пассажирском кресле. Герметичные целлофановые пакеты имелись в сумке, которую я брал с собой на соленое озеро. В один я упаковал служебное удостоверение с бумажными деньгами, в другой пистолет (хорошо, что «АКСУ» остался в джипе). Рассовал все это во внутренние карманы жилетки.

Угол крена увеличивался. Ноги снова захлестывала вода. Задняя часть посудины полностью утонула – над водой покачивалась только «шапка» мотора. Меня уже вдавливало в спинку сиденья. Часы на запястье – водонепроницаемые (я очень на это надеялся).

Вздохнув, я отцепил с внутренней стенки борта спасательный круг, начал изворачиваться, влезая в него. Пришлось протолкнуть его ниже подмышек – а то я напоминал какое-то чучело с растопыренными конечностями. Этот «кринолин» дико мешался. Я сообразил, что не спрятал телефон. Ладно, может, попробую еще позвонить…

В лодке что-то затрещало, процесс затопления ускорялся. Вода поднялась до колен. Нос целился в небо под углом 45 градусов.

На что я рассчитывал? Надо было сразу переваливаться в воду и тихо грести к ближайшему берегу (я, кстати, еще не разобрался, какой из берегов ближайший). Но я сидел и ждал у моря погоды, как будто процесс затопления еще можно было повернуть вспять.

Вода поднялась до пояса, я снова куда-то звонил! И снова гадкая тишина в эфире – безопасность, мать ее! Со спасательным кругом на поясе мобильности не было никакой, я попытался перелезть через ветровое стекло и повалился обратно. Я схватился за него обеими руками, выломал к чертовой бабушке –

стеклопластик хренов! Начал карабкаться вперед, извиваясь, как сверло.

Я перебрался на миниатюрную переднюю палубу с заглублением, спустился в него. Сумку я оставил на сиденье – в ней не было ничего ценного, если не считать саму сумку. Осталось время отдышаться и подумать. О чем?! Для чего Иисус приходил на землю?

Я начал судорожно извлекать пакет с документами, убрал в него телефон, затолкал подальше. Готов к глубокому погружению, «Наутилус» хренов? От лодки осталось меньше трети, и та стала стремительно тонуть. Бурлила соленая вода за бортами. Скрылся руль, разломанное ветровое стекло.

Пока, с учетом сложившейся ситуации, я вел себя правильно. Однако под занавес решил сглупить. Не надо было дергаться – замереть и ждать, пока море само ко мне придет. Лодка бы утонула, а я бы остался. Но нет, дернул черт вылезти из своего последнего убежища, чтобы перевалиться за борт. Можно подумать, опаздывал!

В корпус была вмурована стальная рукоятка, я зацепился за нее спасательным кругом, когда переносил центр тяжести. Я потерял равновесие, меня вывернуло, и, падая в воду, я ударился виском о борт – при этом не успел закрыть рот и от души наглотался соленой воды…

Глава четвертая

Я потерял сознание, но остался жив и даже на плаву – круг держал. Состояние было мерзкое, меня мутило, рвало. Я кашлял, хрипел, не мог понять, что со мной происходит. Круг оказался не по размеру – явно с «чужого плеча», руки смыкались над головой, и я проскальзывал через круг, как нитка через игольное ушко!

Я вцепился пальцами в пластичный пенополиуретан, намотал на кисть шнур-леер, прикрепленный к кругу. Страх заставил прийти в себя. Я был не один в этих водах!

Сознание мутилось, но кое-что я понимал и видел. Ко мне подходила небольшая яхта – видимо, ее я и имел честь наблюдать в дальних водах минут пятнадцать назад. Яхта довольно странная, я бы даже сказал, старомодная. Раза в полтора длиннее моей лодки (светлая ей память), белая надстройка с белой палубой, темно-коричневые борта. Рубка управления – в центре, металлический навес над задней палубой. Обычно современные яхты делают остроносыми, а у этой бак был закруглен, из-за чего посудина напоминала тупорылую акулу. И почему я это заметил?

Я подался к яхте с просветленной головой. Она разворачивалась, перед носом возникала корма – отполированная площадка чуть выше уровня воды. Затем ограждение, ступень, миниатюрная задняя палуба… Суетились люди, парень с девушкой. Последний был по пояс обнажен, в шортах до колен. Девушке чуть больше двадцати – распущенные вьющиеся волосы, топик, шортики – это было все, что я успел разглядеть, и то странно…

Мужчина спрыгнул на кормовую платформу, присел на корточки, одной рукой держась за ограждение, другую протягивая мне. У него было открытое приятное лицо, выражающее озабоченность.

– Давайте, хватайтесь! – крикнул он. – Я держу!

Девушка тоже перелезла, закусила губу… Я плохо помнил, как меня извлекали из воды, я снова ударился – лбом, плечом. Они нервно шутили, подпрыгивали, вытаскивали меня вместе с кругом из морской пучины. У меня подкашивались ноги, мы с трудом помещались на этой крошечной площадке.

– Димка, ну что завис, давай его на палубу! – возмущалась девушка. – Я сама не могу, у меня сил мало! – У нее был приятный южнорусский говор, она гримасничала, много жестикулировала.

Можно себе представить – самое настоящее спасение утопающего! Разъезжались ноги, я несколько раз падал, потом избавлялся от своего спасательного круга. Меня хотели затащить в каюту, но передумали – такую тушу (да еще и мокрую) по лестнице не спустить, можно только сбросить.

– Димка, давай его на верхнюю палубу! – частила девчонка. – Посмотри, он же весь мокрый!

– Даша, я прошу прощения! – сдавленно смеялся парень. – А почему он должен быть сухим? Мужчина, вы можете за что-нибудь держаться? Я вас убедительно прошу, а то я вместе с вами сейчас свалюсь в воду, и тогда нашей Дарье станет очень туго!

Я тоже пытался отшучиваться, но выходило как-то бледно. Между бортом и надстройкой был натянут стальной леер, площадка для прохода шириной пятнадцать сантиметров, размера ступни как раз хватало. В нормальном состоянии – еще туда-сюда, но когда палуба уходит из-под ног…

Я не помню, как оказался на носу. Здесь тоже имелось ограждение, но уже устойчивое, стальное, оно огибало переднюю палубу.

Я полусидел-полулежал, раскинув руки. От нагретой за день палубы исходило тепло. Я приходил в себя, шевелился. Становилось стыдно – дожил, товарищ майор, ты беспомощен, как кусок мяса на разделочном столе!

Яхта медленно перемещалась – кажется, в юго-восточном направлении. В море все оставалось по-прежнему: слева Тамань, справа Крым. Только плыл я уже не на своей лодчонке, а на чем-то странном, хотя и комфортабельном. Парень с девушкой сидели на ограждении правого борта спиной к морю и с любопытством меня разглядывали. Обычные молодые люди, 23–24 года, симпатичные, девушка курносая, мордашка интересная. Обручальные кольца на безымянных пальцах…

– Ну, наконец-то… – шумно выдохнул парень, – вы очнулись? Или еще нет? С вами все в порядке?

– Надеюсь, что да, – пробормотал я, проверяя пальцы на способность шевелиться, – не обращайте внимания, молодые люди, так, легкая дезориентация… Спасибо вам огромное, – с чувством поблагодарил я, – что вытащили, не дали пропасть…

– Да ерунда, всегда поможем, – отмахнулся парнишка, – правда, пришлось немного от курса отклониться, мы не собирались в пролив заходить, в Тамань шли. Да Дашка у меня глазастая, разглядела в море… как она выразилась, «что-то фаллическое», а потом оно пропало, осталось что-то оранжевое…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-zverev/stal-noe-krylo-angela

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить